

Атмосфера напряглась, Лю Цюаньцзинь разозлился, считая, что Лю Яоцин слишком неуважительно разговаривает, задевая старших.

Лю Яоцин же, словно не замечая гнева Лю Цюаньцзиня, спокойно сказал:

— Юй-гэр, как это можно назвать моей виной? Если бы дядя не пил, что бы я ни говорил, это бы ничего не изменило. К тому же, куда делась курица из миски, разве дядя не знает?

Обычно Лю Цюаньфу говорил всё, что было выгодно ему, а Ли-ши и старик Лю всегда его поддерживали. Лю Цюаньцзинь же всегда стремился сохранить мир в семье, предпочитая, чтобы все были довольны. Поэтому, что бы ни сказал Лю Цюаньфу, это принималось как истина.

Даже если черное становилось белым, оно всё равно считалось белым.

Но теперь появился Лю Яоцин, который не обращал внимания на настроение других, и привычный порядок, который все поддерживали, возможно, даже не осознавая этого, вдруг нарушился, словно на спокойной воде поднялась огромная волна.

Лицо Лю Цюаньцзиня покраснело от гнева, он явно считал, что Лю Яоцин поставил всех в неловкое положение, особенно старика Лю, как главу семьи, и Лю Цюаньфу, который, несмотря ни на что, был его дядей. С точки зрения этикета, такие слова не должны были произноситься.

Старик Лю, проживший долгую жизнь, тяжело взглянул на Лю Яоцина и вздохнул.

Поняв, что пора закончить, Лю Яоцин сказал:

— Син-гэ, принеси курицу и бульон, которые мама приготовила. Чтобы дядя больше не говорил, что наш отец не проявляет сыновней почтительности. Дедушка, вы согласны?

Он прямо обратился к старику Лю, и тот не мог промолчать.

— Син-гэ уже приносил мне крылышко и ножку, я отдал их Бао-эру. — Старик Лю выглядел несколько постаревшим, его голос звучал устало. — Он больше всего боялся, что кто-то нарушит мир в семье, но теперь, когда Лю Яоцин выступил с правдой, он не мог выразить своего недовольства.

Лю Цюаньфу, казалось, снова был пьян и бормотал:

— Съел так съел, у третьей семьи ведь еще есть.

Это было уже полное отсутствие стыда. Лю Цюаньфу всегда был ленивым и хитрым, любил переворачивать всё с ног на голову.

Лю Яоцин не смотрел на Лю Цюаньфу, а пристально смотрел на старика Лю, ожидая его реакции. Если старик действительно посмеет поддержать Лю Цюаньфу, Лю Яоцин сегодня готов был перевернуть весь стол.

Остальные молча ели, старик Лю продолжал пить вино, а Сяо Бао вырвался из рук Младшей Ли-ши, подбежал к старику Лю, схватил маленький кусочек печени из миски и сунул себе в рот.

Обычно старик Лю очень любил этого младшего внука, крепкого мальчика, который, казалось,

вырастет сильным мужчиной. Но теперь этот любимый внук явно поставил его в неловкое положение.

Старик Лю взглянул на Лю Цюаньфу, выпил последний глоток вина и сказал:

— Ладно, ешьте, ешьте, больше не говорите об этом.

— Цин-гэр, мне приносить? — Син-гэ огляделся, видя, что остальные молчат, и тихо спросил Лю Яоцина.

— Приносить что? Дедушка сказал, чтобы больше не поднимали эту тему. — Лю Яоцин говорил негромко, но не смотрел на лица Лю Цюаньцзиня и других. Он доел и сразу же ушел в свою комнату.

Старшего брата не было дома, и в их семье было три комнаты: одна для Ли-ши и Лю Цюаньцзиня, одна для Лю Яоцина и Син-гэ, а третья использовалась как кладовая, там также была небольшая печь, которую Ли-ши использовала для приготовления еды.

Вечером Ли-ши принесла воду для мытья ног, Лю Цюаньцзинь молчал, вымыл ноги и лег на кровать, не сказав ни слова. Ли-ши чувствовала себя подавленной. Раньше тоже бывали такие моменты, она не считала, что сделала что-то не так, но вся семья — муж, свекор и свекровь, старший брат и его жена — все показывали, что это её вина.

Со временем Ли-ши стала думать, что если Лю Цюаньцзинь молчит, значит, она сделала что-то не так или что-то упустила.

На этот раз всё было так же. В семье кто-то должен был уступить, иначе жизнь становилась невыносимой.

— Мама, у Цин-гэра снова жар. — Син-гэ вдруг закричал снаружи.

Ли-ши тут же забыла обо всем, накинула одежду и выбежала в соседнюю комнату, потрогала лоб Лю Яоцина и сразу же сказала:

— Нужно вызвать врача. Син-гэ, посиди с Цин-гэром, я...

— Не надо, я пойду. — Лю Цюаньцзинь, неизвестно когда появившийся у двери, сказал это и быстро вышел.

Ли-ши выбежала из дома, но Лю Цюаньцзинь уже ушел. Она вернулась в комнату, проверила место, где хранила свои свадебные украшения, — серебряные украшения всё ещё были на месте.

Деревенский врач мог прийти в долг, но не ко всем. Если бы заболели старик Лю или Ли-ши, как главы семьи, у которых были запасы еды и денег, врач, возможно, пришел бы. Но если бы Лю Цюаньцзинь пошел, врач мог и отказать.

В каждой семье свои трудности, и большинство не разделяли имущество, поэтому младшие члены семьи, даже если и вызывали врача, не всегда могли заплатить за лечение. Врач ведь тоже должен был зарабатывать на жизнь.

Ли-ши сунула серебряные украшения Син-гэ в руки и сказала:

— Иди к врачу, отдай это, понял? Я останусь с Цин-гэром...

— Понял, мама. — Син-гэ понимал важность ситуации, спрятал украшения за пазуху и вышел в темноту.

Ли-ши, глядя на Лю Яоцина, лежащего в бреду, вытерла слезы, вышла, набрала воды, смочила полотенце и положила его ему на лоб, непрерывно молясь в душе.

К счастью, ночь только началась, и когда Лю Цюаньцзинь и Син-гэ пришли к врачу, тот еще не спал. Увидев серебряные украшения, он сразу же согласился прийти.

— Цин-гэр днем был в порядке, почему вечером стало так плохо? Я думала, он выздоровел. — Ли-ши чувствовала себя виноватой, она готова была сама страдать, лишь бы её ребенок не испытывал ни малейшего дискомфорта.

Лекарь Шэнь положил руку Лю Яоцина обратно под одеяло и сказал:

— Если он переживет эту ночь, к утру всё будет в порядке. Я пропишу лекарство, его нужно будет принимать три раза за ночь, а если к утру станет лучше, то еще три раза отваром из оставшихся трав.

В деревне большинство семей были бедными, поэтому даже после одного раза варки травы не выбрасывали, а варили снова. Лекарь Шэнь обычно говорил об этом, чтобы люди не чувствовали, что зря тратят лекарства.

Проводив врача, они приготовили три порции лекарства, сварили его и принесли в комнату. К полуночи всё было закончено.

Син-гэ всё ещё сидел рядом. Ли-ши сказала:

— Син-гэ, иди спать, я останусь с ним.

Син-гэ, уже едва держась на ногах, забрался на кровать, лег рядом с Лю Яоцином, который всё еще был без сознания, но лекарство уже выпил, и закрыл глаза.

Лю Цюаньцзинь тоже не спал, молча сидел внизу.

К рассвету Лю Цюаньцзинь уже ушел спать, а Ли-ши, нервничая, постоянно трогала лоб Лю Яоцина. Ей казалось, что жар постепенно спадает.

Когда рассвело, Лю Яоцин медленно открыл глаза и пришел в себя.

— Мама? — неуверенно произнес он. Ему снился долгий и утомительный сон, в котором мелькали картины из его прошлой жизни и этой, словно теперь он окончательно слился с прежним Лю Яоцином, став настоящим гэром, выросшим в этой маленькой деревне.

Ли-ши вытерла слезы и с улыбкой сказала:

— Проснулся, и хорошо. Что хочешь поесть, я приготовлю...

— Куриную кашу! — сразу же выпалил Лю Яоцин.

— Хорошо, лежи спокойно, я сейчас приготовлю. — Не спавшая всю ночь, Ли-ши всё же чувствовала себя бодро. В конце концов, Лю Яоцин, как и сказал врач, пережил ночь, жар спал, и он выглядел гораздо лучше.

Для этого отдельного блюда она использовала не те запасы, которые контролировала Ли-ши, а те, что они с Лю Цюаньцинем копили, работая в деревне. Зерно медленно варилось на маленьком огне, добавлялись нарезанная курица и бульон, и в итоге получилась густая каша, которой хватило только на одну миску.

— Я хочу каши, я хочу каши! — Сяо Бао вышел утром по нужде и увидел, как Ли-ши несет миску. Не успев даже натянуть штаны, он бросился к ней.

Ли-ши едва успела отступить, чтобы не пролить кашу, и смущенно сказала:

— Это для Цин-гэра, он только что начал поправляться...

<http://bllate.org/book/16688/1531665>